

Толстый вонючий член ткнулся мне в лицо. Я попытался отвернуться. Но крепкие требовательные пальцы впились мне в щеки и повернули лицо обратно к члену. Я плотно стиснул зубы.

— Ну, давай, девочка, открывай ротик, — вторая рука опустилась мне на затылок и с силой надавила на него.

— Ни за что, — процедил я сквозь зубы.

В этот момент тот, что держал мою левую руку, потянул ее вверх, одновременно нажав мне на плечо. Что-то хрустнуло, резкая боль пронзила мое тело, и я вскрикнул. Член незамедлительно проник в мой рот и змеей пополз к горлу. У меня на глазах выступили слезы, и я попытался снова сжать челюсти. Резкий удар по правой щеке добавил к слезам кровь из носа. Член потянулся в обратном направлении, цепляясь шкуркой за зубы.

— Шире открывай, сучонок, — эти слова сопровождал удар по левой щеке. Я почувствовал солоноватый вкус на языке и услышал треск ломающегося зуба.

Я шумно выдохнул и открыл рот шире.

Член почти полностью вылез, а затем вошел обратно. Я поперхнулся и инстинктивно замотал головой. Тот, что держал правую руку, завел ее дальше мне за спину, выбивая плечевой сустав. Я лишь тихонько заскулил и вернул голову в исходное положение.

Член двигался вперед и назад все быстрее, рука на моем затылке давила с все возрастающей силой, плечи ныли, скулы сводило, а по горлу пробегали судороги. Из глаз текли слезы, из носа — кровь и сопли, и во рту крови было больше, чем слюны...

Вдруг раздался резкий хлопок, и член выпал из моего рта.

Еще два хлопка — и два тела придавили меня к полу, окончательно выбивая мне плечи. Но я не решился кричать — мало ли, вдруг эти новые пришли сюда за мной, а не за этими тремя.

Крепкие пальцы снова сжали подбородок и подняли мое лицо вверх. Но на этот раз прикосновения были другими, да и кожа на этих пальцах отличалась от той, что была раньше. Я попытался открыть глаза, но у меня ничего не вышло.

— Вечно ты во всякие передрыги встряешь, — сказал приятный низкий голос, так не похожий на голос моего насильника.

Я попытался съязвить, но ощутил тепло на своих щеках и невольно улыбнулся — боль прошла, исчез вкус крови изо рта, и даже из носа уже ничего не текло. Да и плечи перестали ныть.

Я открыл глаза и посмотрел на своего собеседника. Длинные черные волосы мягкими волнами спадают на узкие плечи. Ярко-желтые равнодушные глаза на бледном, но не болезненном лице. На тонких губах играет спокойная ухмылка. Он сидел передо мной на корточках и внимательно изучал мое лицо. Я тоже всматривался в его черты и никак не мог понять, отчего он кажется мне таким знакомым.

— Пойдем? — он помог мне встать и повел прочь из подвала, бережно, но крепко держа под руку.

Станный человек — он был намного выше меня ростом, при этом почти вдвое уже в плечах, но от него прямо веяло силой, такой огромной, что рядом с ним я чувствовал себя мелкой безмозглой букашкой. Однако я знал, что он не причинит мне вреда. Почему я так решил?

Все просто — если бы он хотел меня убить, он бы не стал выводить меня из подвала и выручать из лап этой шайки.

— Почему вы помогаете мне? — спросил я, проморгавшись от неожиданно яркого света, когда мы вышли на улицу.

— А разве братья должны поступать иначе? — он сверкнул на меня глазами.

— Братья?... — и я задумался.

Я ведь ничего не знаю о его семье, кроме того, что у него раньше был отец, а теперь есть отчим. Он ведь мне ничего не рассказывал о себе. А тут получается, что у меня есть брат...

— Двоюродный, — будто отвечая на мои мысли, ухмыльнулся желтоглазый.

— Я и не думал, что у него есть братья или сестры, — задумчиво произнес я.

— Два брата и две сестры, — кивнул мой спаситель. А потом вдруг резко обернулся назад. — Ну, и чего вы там застряли?

Я тоже обернулся. Из черного провала входа в подвал появились две фигуры — два парня, похожие как негативные фотографии друг друга. Один с совершенно белыми волосами и настолько темными глазами, что нельзя было точно определить их цвет, одетый лишь в свободные светлые брюки, подпоясанные широким красным поясом. Второй с волосами черными, как смоль, и почти бесцветными глазами, одетый в узкие черные брюки и плотно облегающую идеальный торс черную шелковую рубашку. И кроме явного сходства между собой, эти двое были похожи еще и на моего спасителя, только явно моложе и несколько шире в кости.

Я обернулся к желтоглазому:

— Это тоже братья?

— Скорее, племянники, — он угрюмо передернул узкими плечами, отпустил мой локоть и уверенно зашагал вперед.

Я поспешил за ним.

Он мне нравился, несмотря на страх, который он мне внушал. Что-то в нем было такое притягательное, такое нежное и трогательное, что в какой-то момент мне даже захотелось прижаться к его крепкой узкой спине и поцеловать его тонкие, но такие соблазнительные губы.

Я мотнул головой и покраснел — мой спаситель брезгливо поежился.

Вскоре он свернул с дорожки и остановился на небольшой поляне, где паслись три лошади — черная, рыжая и белая с черным носом. Я почему-то ни секунды не сомневался, что себе он выберет именно черную.

Близнецы обошли меня с двух сторон, и беловолосый легко вскочил на рыжего скакуна, а его брат — на белого.

— Я никогда не ездил на лошади, — сказал я растерянно.

Все трое переглянулись.

— Я говорил тебе, что надо было брать машину, — укоризненно пробасил беловолосый.

— Ты знаешь, как я отношусь к этим мерзким тварям, — поморщился желтоглазый. А потом посмотрел мне прямо в глаза, и мне стало не по себе. — Гаэр, бери его к себе.

Беловолосый скорчил плаксивую рожу:

— Почему опять я?

— Разговорчики, — резко оборвал его мой спаситель.

Гаэр втянул голову в плечи и с ненавистью посмотрел на меня:

— Чего застыл? Залезай!

Я покорно приблизился к животному. Лошадь нервно перешагивала с ноги на ногу и косилась на меня черным левым глазом. Гаэр нежно гладил ее по холке:

— Тише, тише, он тебе ничего не сделает...

Он вынул босую ногу из стремя и сдвинулся чуть вперед. Я ухватился руками за седло позади него, оперся о стремя левой ногой, а правую перекинул через спину лошади.

Животное недовольно всхрапнуло и замотало головой, пытаясь присесть на задние ноги.

— Ну, ну, девочка, перестань, — ласково шептал ей на ухо Гаэр.

Мой взгляд невольно упал на его ногу, которую он мимоходом поставил обратно в стремя.

Наверное, ступни это мой фетиш. Уж очень они мне нравятся. А у него ступни вообще идеальные — правильной формы с округлыми пропорциональными пальцами, выстроившимися аккуратным рядком, но не слишком плотно прижатые друг к другу, без искривлений и мозолей. Видимо, он не привык носить обувь. Однако у него такая нежная кожа на пятках, без трещин, уплотнений или других дефектов, что прямо хочется прильнуть к ним губами. Когда человек много ходит — неважно в обуви или босиком — его пятки ни за что не будут такими ровными и гладкими.

Я украдкой посмотрел на ноги его брата. Светлоглазый был обут в мягкие черные сапоги с отворотами. Их отец также был бос, но его ступни мне показались слишком широкими для его комплекции, а такое несоответствие не может быть красивым.

Гаэр чуть сжал пятками бока лошади и цокнул языком. Животное, мягко покачиваясь, двинулось с места. А я почувствовал, что начинаю медленно, но верно сползать. Рефлекторно я ухватился за край седла.

— За меня держись, придурок. Если вылетишь, дед мне шею свернет, — прошипел Гаэр, с опаской поглядывая на отца.

Я вздохнул и несмело приобнял его за талию.

Он немного напрягся, но меня не останавливал.

Держась за своего провожатого, я смог немного выровняться в седле и даже начать двигать бедрами в такт движениям лошади и Гаэра.

Помимо ощущения ирреальности и дикости всего происходящего, меня не оставляли мысли еще и другого толка — все эти движения, объятия, пусть я даже просто держался за него, запахи и звуки, меня возбуждали. Может быть, все дело в происходившем в подвале? Мне, конечно, стыдно признаваться в подобном, но меня сильно заводит, когда меня пытаются иметь силой. Мне это может не нравиться, я сопротивляюсь на полном серьезе, мне действительно больно и гадко, но к этому примешивается какое-то совершенно особое наслаждение.

И вот, после всех перипетий утра, я сижу в седле, плотно прижавшись к подтянутым ягодицам молодого пышущего здоровьем и силой парня, которые мерно движутся в такт движениям лошади, ощущаю тепло — нет, пожалуй, даже жар — его кожи, которое сочетается с удивительной мягкостью и податливостью...

Я машинально провел ладонью по его животу и, пригнувшись к его шее, с жадностью потянул носом воздух... И этот запах — похожий на смесь молока с медом, цветущих лип и паленой древесины — сводит меня с ума.

Я еле заметно прижался к нему плотнее, ощущая, как под моими руками его кожа буквально раскалялась.

— Еще раз это повторится, я из тебя шашлык сделаю, — чуть повернув ко мне голову, процедил Гаэр.

От неожиданности я отпрянул от него.

— Шаул, смещай, — коротко скомандовал желтоглазый.

И вдруг у меня сжалось сердце. Нет! Я не пойду с ними! Черт! Неужели, ловушка? Но он говорил, что не станет меня разбирать? Неужели он мне солгал тогда? Я не хочу! Я...

В панике я попытался незаметно соскользнуть с лошади.

— Сидеть, — с угрозой проговорил Гаэр и бросил на меня пылающий — в буквальном смысле пылающий! — взгляд.

Я покорно вернулся в исходное положение, обхватил руками его талию и опустил голову.

Мне уже совсем не думалось о том, как приятно он пахнет, какая у него нежная и горячая кожа, какие у него красивые ступни и как эротично он двигает бедрами навстречу лошади.

В моей голове роились самые прискорбные мысли, возникали картинки, одна страшнее другой — как мой создатель, который просил называть его папой, со злобным смешком отнимает у меня то руки, то ноги, то вспарывает мне живот, то на живую сверлит черепную коробку. А я кричу не столько от боли, сколько от обиды — как же так, он же обещал...

Я ехал так, не особо наблюдая за дорогой. Да и какая разница — я знал, куда меня везут и зачем. Но вдруг солнечный свет померк. Я встрепенулся и огляделся:

— О, а я думал, ты спишь, — с кривой ухмылкой громко проговорил Гаэр.

— Где мы? — спросил я, не узнавая местность.

— Арден, — коротко ответил желтоглазый.

И я чуть снова не сполз с лошади. Сердце буквально остановилось. Меня не просто разберут. Меня уничтожат! Иначе, зачем бы им везти меня в Эмбер?

— Отпустите меня, пожалуйста, — взмолился я, не обращая ни к кому конкретно. — Честное слово, я уйду так далеко, как только возможно. Вы больше никогда не услышите обо мне...

— Где бы ты не находился, — жестко заметил Гаэр, — твое существование само по себе пощечина мирозданию.

Он злобно сплюнул под ноги лошади.

— Меня... уничтожат? — я всхлипнул.

— Это не нам решать, — строго ответил желтоглазый.

— Но была бы наша воля... — Шаул не закончил фразу, но намек я понял.

Может быть, все не так плохо. Может, меня все же оставят — как Елену. Возложат на меня какую-нибудь функцию... От одной мысли о новой программе меня всего передернуло. Я уже слишком далеко ушел от того, чем был вначале — им придется либо мириться с этим, либо уничтожить меня. Уничтожить, конечно, проще...

— Все, дальше поведу я, — сказал желтоглазый, когда мы приблизились к опушке леса.

И тут же мы оказались стоящими посреди огромного холла, украшенного гобеленами, массивными каменными колоннами, вазами с самыми удивительными цветами. И лишь после третьего круга осмотра я заметил стоявшие вдоль стен кушетки и кресла.

— Можно было это сделать и сразу, — поморщился Гаэр.

— Задание было другим... — полушепотом ответил желтоглазый.

— Так вот ты какой! — чья-то рука легла на мое плечо, мягко развернула спиной к моим провожатым, и на меня уставились горящие изумрудным светом глаза.

У меня перехватило дух — передо мной, улыбаясь во весь рот, стоял парень лет на пять старше меня с длинными черными волосами, заплетенными в мелкие косички (не дреды, а именно косички — мои знакомые африканки плели себе такие, вплетая в них разноцветные ниточки), со смуглой кожей. Он был чуть ниже меня ростом, но обладал фигурой типичного борца — достаточно гибкой талией и крепкими руками и грудью. На его фоне я выглядел как травинка на фоне баобаба, даже несмотря на разницу в росте.

Я невольно закусил губу — в голове тут же пронеслись несколько совсем уж неприличных картинок с его участием.

Он был одет в простую белую футболку и самые обычные светло-голубые джинсы. На ногах у него были кроссовки для бега.

— Мы можем идти? — угрюмо спросил за моей спиной желтоглазый.

— Конечно, — кивнул парень в джинсах, не сводя с меня светящихся изумрудных глаз. — Не забудь покормить Гаэра.

— Я уже не маленький, сам найду чего пожрать, — недовольно буркнул Гаэр.

Зеленоглазый рассмеялся, продемонстрировав мне очаровательную ямочку на правой щеке.

— Идем? — он взял меня за руку.

Я кивнул, сглотнув комок.

И мы тут же очутились в комнате, все стены которой были уставлены стеллажами с книгами. Между двумя распахнутыми настежь окнами стоял массивный письменный стол, заваленный бумагами, перед столом вполоборота друг к другу находились два кресла с высокими мягкими спинками, а между ними располагался низкий круглый столик. На полу лежал темно-зеленый ковер, а в камине в глубине комнаты весело потрескивал огонь. Здесь было так тихо и уютно, так просто и спокойно, что я напрочь забыл о своих давешних страхах и, не дожидаясь приглашения, опустился в кресло.

Парень сел напротив меня:

— Что-нибудь выпьешь?

Я передернул плечами.

— Тогда я выберу на свой вкус... Ты, кстати, уже завтракал? — он продолжал улыбаться, мягко ощупывая мое лицо и фигуру цепким пронизательным взглядом — я ощущал каждое его прикосновение как легкий ветерок то в районе скулы, то вокруг шеи, то вдоль тела.

Я мотнул головой, чувствуя себя каким-то подопытным кроликом.

— Кофе?

— Чай, — отчего-то хрипло ответил я.

Он понимающе кивнул, не теряя эту свою улыбку, и щелкнул пальцами. На столике между нами тут же возник небольшой серебряный поднос с парой чашечек, чайником, сахарницей и блюдцем с бутербродами.

— Угощайся...

Я потянулся за бутербродом. Интересно, если меня собираются уничтожить, зачем кормить? Очевидно, мое распыление откладывается, но почему?

— Никто не собирается тебя уничтожать, — чуть склонив голову набок и наливая мне чай, проговорил он. — Я приказал привести тебя сюда для того, чтобы окончательно определиться с твоим статусом. Уж прости, но на данный момент, как бы Эдди тебя не называл, ты остаешься куклой, созданной при помощи магии из частей мертвых тел по его образу и подобию. Тот факт, что ты ожил, приобрел имя и личность, пока остается не доказанным,

хотя лично для меня все уже ясно. Для других то, что происходило с тобой, все твои действия и решения по-прежнему выглядят частью заложенной в тебя программы.

Меня передернуло от его слов, особенно по поводу программы.

— Нет, я-то знаю, что ты уже давно живешь — точнее, пытаешься жить — своим умом, — продолжал он, — но моего знания недостаточно. Нужны доказательства того, что ты — человек, а не марионетка с заложенной в нее замысловатой программой, что ты не Троянский конь, а Ральф Смит, сын Эдвина Смита. Не обольщайся, делаю я это не для тебя. После того, как о твоём существовании стало известно, многие стали подозревать Эдди в подготовке какого-то нового чудовищного заговора и смотреть на него косо. А это бросает тень и на меня, ведь Эдвин мой брат, сын моей матери, сводный брат Короля Хаоса. Соответственно, если он что-то замышляет, то либо против меня, либо против Мерлина с моего ведома. — Но я ведь действительно больше не кукла! — воскликнул я, еле сдержавшись, чтобы не расплакаться. — И папа сказал, что я ожил сам, и он до сих пор не может понять, как это произошло!

— Тебе рассказать? — он склонил голову на другую сторону и прикрыл глаза. — Творя любое магическое действие, маг пропускает внешнюю энергию через себя, неизбежно отдавая частицу своей собственной энергии. Создавая тебя, Эдвин — по неопытности или из-за чрезмерного рвения — передал тебе своей энергии больше, чем следовало. Когда ты выполнил программу, по правилам он должен был тебя разобрать, но он и этого не сделал, позволив своей энергии в тебе продолжать развиваться. И в один прекрасный момент ее стало достаточно для того, чтобы запустить основные функции твоего организма и дать возможность развиваться личности. Так что, даже если с биологической точки зрения ты не имеешь к Эдвину никакого отношения, с точки зрения энергетической ты на сто процентов его дитя.

Я смотрел на него, раскрыв от удивления рот. Он с такой легкостью рассуждает о сложных метафизических материях, будто это самые обыденные вещи!

Он вдруг рассмеялся:

— Но, конечно, я объясняю все это в меру своего бытового восприятия. Если тебе нужны подробности и специальные термины, обращай к Тренту — его теоретической подготовки более чем достаточно.

Я сглотнул комок.

— Ну, ладно, давай завтракай, и займемся делом, — он поднялся со своего кресла и отошел к окну.

Что-то не задалось у меня утро — сначала те трое в подвале, потом поездка в Эмбер, теперь этот типчик. И если тот желтоглазый меня пугал и одновременно вызывал какую-то необъяснимую симпатию и нежность, то этот, несмотря на искреннюю улыбку и по-детски звонкий смех, вселяет в меня настоящий ужас. С одной стороны, я бы с удовольствием огрел его чем-нибудь тяжелым по затылку и свалил бы отсюда, пока он не пришел в себя, но с другой стороны, каким-то восьмым или девятым чувством я догадывался, что уйти таким образом у меня не получится. Почему-то я знал, что от моего удара он не просто не потеряет сознание, а наоборот — превратится в какое-нибудь чудовище и в два счета сделает из меня то, чем я, по сути, и являюсь. Кучку мертвой плоти.

Парень хмыкнул, а у меня сперло дыхание — он знает!

— Мне не за чем превращаться в чудовище, — проговорил он совсем другим отрешенным голосом. — Я могу уничтожить тебя и так, без каких-либо усилий. И ты даже не поймешь, что

случилось, — он развернулся ко мне лицом, и я инстинктивно вжался в спинку кресла — его взгляд был таким холодным и страшным, что мне стало тяжело дышать. — Посему не советую делать глупостей. Ешь, и пойдем. Нас уже ждут.

Я отложил нетронутый бутерброд на блюде.

— Отказываешься от еды? Глупо, — он дернул плечами. — Если ты не пройдешь тест, в следующий раз кормить тебя будут очень нескоро.

— Но если вы уверены, что я больше не кукла, чего мне бояться? — у меня в горле пересохло, и я глотнул чаю.

Он снова рассмеялся:

— Это я так интригу навожу, заставляю тебя понервничать... А ты молодец, не поддаешься на провокации... Ну что, пойдем?

Я кивнул, поднялся с кресла...

И полностью распрямился, уже стоя в мрачном темном подземелье возле входа в пещеру. Голубоватый свет струился вокруг моего провожатого — он был не ярким, но достаточным для того, чтобы я мог оценить размеры этой колоссальной пещеры.

Из мрака выступила невысокая бледная фигура.

— Доброе утро, Ваше Величество, — она низко поклонилась. И я ее узнал — Елена, еще одно творение моего отца.

— Доброе утро, Елена, — кивнул король. — Как там ваш подопечный?

— Он ждет вас, Ваше Величество, — она даже не взглянула на меня, но оно и понятно — когда папа создавал ее, я мало походил на себя сегодняшнего. К тому же, если ее программа все еще функционирует, она не должна помнить ничего, что так или иначе не связано с выполнением алгоритма. Вероятно, она и своего создателя не помнит.

— Идем, — тем временем король легко подтолкнул меня в спину.

Мы вошли в темный коридор, и на шероховатых стенах заиграли призрачные голубоватые блики.

— Ты пришел? А я думал, ты снова обманул меня, — на невысокой простой кровати, застеленной белоснежным бельем, сидел необычайно бледный и худой человек. Он был настолько бледен, что я бы сказал, что это мертвец, если бы он не заговорил. Его волосы также были почти бесцветными. Глаза я рассмотреть не мог под полуопущенными веками, но что-то подсказывало мне, что и они лишены цвета. А за мертвенно-бледными губами, при нашем появлении растянувшимися в недобрую улыбку, угадывались короткие, но необычайно острые желтоватые клыки.

— Мне это нужно не меньше, чем тебе, — с благодушной улыбкой ответил король. — Приступай.

— Не могу, — узник совсем закрыл глаза. — Он стоит слишком далеко. Пускай подойдет ближе.

Король покачал головой:

— Мы так не договаривались...

— Я слишком ослаб за последние несколько месяцев, — перебил его узник. — Ты знаешь, мне трудно ходить.

— В таком случае, — я не видел лица своего спутника, но по его голосу догадался, что он нахмурился, — никто и не удивится, если завтра вдруг окажется, что ты умер.

— Ты не сделаешь этого, — заключенный лихорадочно провел заостренным языком по губам.

— Тогда выполни свою часть уговора.

— Ладно, — клыкастый нехотя открыл глаза и медленно спустил ноги на пол — босые ноги с неестественно длинными пальцами с острыми когтями — затем оперся рукой о стену — в призрачном голубоватом свете бледная кисть на фоне черной стены выглядела совсем ирреально — и поднялся.

Все так же держась за стену, он приблизился ко мне и потянул носом воздух. В его бесцветных глазах зажегся азартный огонек.

— Ты питаешься человеческим мясом? — спросил он.

Я посмотрел на него, как на сумасшедшего, и мотнул головой.

— Пьешь человеческую кровь?

Я снова мотнул головой и добавил:

— Зачем мне это?

Узник пристально посмотрел на меня, а потом без предупреждения одной рукой схватил меня за щеки, а другой раздвинул губы и провел пальцем по зубам. Я вырвался из его хватки и в недоумении посмотрел на короля.

— Тебя что-то смущает? — он повернулся лицом к узнику и удивленно приподнял брови.

Клыкастый кивнул и шагнул к стене справа от меня:

— От него пахнет мертвечиной и кровью Эмбера. Этому может быть только одно объяснение — он джарг и он только что сожрал кого-то из ваших. Но в этом нет логики — если он действительно джарг, ты был бы первым, кто узнал бы об этом, и ты бы ни за что не допустил, чтобы он напал на кого-то здесь. К тому же у него зубы совсем не приспособлены для разрывания плоти...

— Может ли быть такое, что он создан из частей мертвых тел, но по его жилам течет живая кровь? — спросил король.

— Ты смеешься? — узник бросил на меня короткий недоверчивый взгляд. — Хотя... чисто теоретически... но это сложно... мертвое тело можно оживить, наделить его простейшими функциями, заставить его выполнять программу — все это уже давно практикуется некромантами. Но сделать мертвое тело живым в полном смысле слова, восстановить функции кроветворения и кровообращения, заставить работать мертвые нервные клетки... Покажи мне того гения, который добился таких результатов.

— А в принципе, ты когда-нибудь слышал о таком?

— Да, давно, — клыкастый медленно, все еще держась за стену, вернулся на свою постель. — Болтали когда-то... будто бы Шаддар сначала умер, а затем вернулся к жизни... но... не знаю — я сам не имел чести встретиться с ним...

— Я встречался с Шаддаром, — печально вздохнул король. — Но там другая история... Ну что ж, спасибо, Тарен...

— Эй! — воскликнул узник, когда мы уже развернулись к выходу из пещеры. — А твоя часть уговора?

Король ухмыльнулся, подмигнул мне и развернулся к Тарену. Я развернулся вслед за ним, но так и не понял, откуда он достал небольшую ритуальную чашу и короткий изогнутый нож. Чашу он вручил мне, затем поднес к ней правую руку и резко полоснул себя по запястью ножом. Я аж вскрикнул от неожиданности, а узник широко улыбнулся и облизнулся, наблюдая за тем, как кровь короля тонкой струйкой текла в чашу. Когда сосуд был полон наполовину, он убрал руку и потер запястье, как разминают затекшие мышцы после

наручников. И пореза на его коже не стало.

— Хватит с тебя, — с кривой ухмылкой проговорил он и сделал мне знак отдать чашу Елене, которая возникла за нашими спинами как привидение.

Она молча приняла у меня сосуд и, не поднимая головы, прошла к кровати. Клыкастый поморщился, но взял чашу и поднес ее к губам. Однако пить не торопился. Сначала, блаженно прикрыв глаза, он потянул носом:

— М-м-м, я знал, что кровь твоих ублюдков ни в какое сравнение не идет с твоей, но я и представить не мог, что разница так велика.

Король улыбнулся и, уже развернувшись к двери, щелкнул пальцами. Я как раз поворачивался, когда услышал крик и стук упавшей на пол чаши.

— Сволочь! Мошенник! — взвыл заключенный и вскочил со своей кровати. Его лицо было обожжено, будто облито кислотой, и теперь выглядело совсем жутко.

Он кинулся к нам, когда король коротко произнес:

— Елена...

И Тарен с глухим стоном повалился на пол.

— Вечером я пришлю врача, а пока не трогай его, — бросил король себе за спину и вышел из пещеры.

Я поспешил за ним, но за моей спиной все еще слышался тихий невнятный скулеж и скрежет когтей по камню.

— За что вы так с ним? — тихо спросил я, когда мы начали подниматься по огромной винтовой лестнице.

— Его информация оказалась бесполезной, — хмуро ответил он.

— Но он же не виноват, — попытался возразить я и получил пылающий полный злости взгляд.

— Виноват, он говорил, что может безошибочно определить, живой человек перед ним или кукла. А выходит ни хрена он не может.

— Ну, мой случай нетипичен, — произнес я шепотом и машинально вжал голову в плечи, ожидая не то еще одного такого взгляда, не то удара.

Но король лишь тяжело вздохнул:

— Ну да, нетипичен...

— А почему у него в камере нет двери? — спросил я после молчания, длившегося аж три витка лестницы.

— В этом нет необходимости, — он передернул плечами, и излучаемый им голубоватый свет колыхнулся вокруг него, как облако пара. — Елена полностью блокирует его способности и не дает ему покидать помещение. При необходимости она может послать электрический импульс, который парализует его ноги. На самом деле он уже несколько раз пытался сбежать, но прелесть куклы в том и состоит, что она лишь похожа на человека, а по сути, ей не нужно ни спать, ни ходить в туалет, ни есть, ни заниматься любовью. В ее программе отсутствуют все функции, которые связаны с имитацией поведения живого человека. Сейчас она только печатать и ничего более.

Я отвел глаза в сторону. А ведь когда-то и обо мне говорили с таким же пренебрежением. Весь оставшийся путь мы проделали молча. Он больше не смотрел на меня и хмурился. Я тоже старался на него не смотреть и думал о своем будущем.

Когда мы вышли из подземелья на свет божий, а точнее в помещение, явно служившее

столовой, нам навстречу, сверкая как солнце после дождя роскошной улыбкой, бросился молодой красивый парень с черными совершенно ровными волосами до плеч и черными, можно даже сказать бархатистыми глазами.

— Ты уже вернулся? — мгновенно расслабившись, выдохнул король.

— Как будто ты этого не знал, — парень притворно надул губы, но тут же рассмеялся, да так звонко и искренне, что я сразу решил — во всем этом дворце он самый позитивный человек.

— Как Света?

— Отлично, — он улыбнулся еще шире, чем раньше. — Ты ведь уже знаешь, да?

— Разумеется, — король тоже улыбался, а я смотрел на них и никак не мог уловить нить их разговора. — Ты планируешь пока остаться здесь?

— Да, — весело кивнул черноглазый, — а потом отведу ее к Корвину — там ей будет спокойнее.

— Хорошо, — король склонил голову влево, — в таком случае у меня к тебе просьба, — он развернулся ко мне и подмигнул. — Это Ральф, сын Эдвина. Займи его чем-нибудь до вечера, пока я все подготовлю для инициации.

Парень протянул мне руку, не переставая улыбаться:

— Привет, я Шейн.

Я осторожно сжал его ладонь и сглотнул комок — мало того, что он самый позитивный человек в этом дворце, так еще и самый красивый. У него на удивление мягкие ладони, шелковистая кожа, плавные жесты и фигура типичного танцора.

— Ральф, — хрипло ответил я.

— Идем, покажу тебе тут все, — сказал Шейн и потянул меня к выходу из столовой. — Хотя, конечно, до вечера мы и половины увидеть не успеем.

Я обернулся, чтобы попрощаться с королем, но его уже и след простыл.

Я вздохнул и покорно зашагал за Шейном. Он что-то рассказывал, почти не умолкая, много смеялся и шутил. Я слушал его вполуха, рассеянно отвечал на вопросы и время от времени вежливо улыбался. Но он, казалось, не обращал на мою задумчивость никакого внимания.

Ближе к полудню мы спустились в кухню — огромное помещение, заставленное шкафами, печками, тазами, кастрюлями, сковородками чудовищных размеров — я подумал, что в них можно жарить огромных быков целиком. Шейн провел меня какой-то тайной тропой к узкой двери в самом дальнем углу.

— А здесь у нас хранятся продукты, — весело сообщил он, кивнув куда-то в сторону.

Я перевел взгляд в том направлении — у круглого стола суетилась невысокая хрупкая девушка с большими серыми глазами и темными волосами. На ней было короткое черное платье, туфли на высоком каблуке с металлическими набойками и маленький белый передник. Заметив мой взгляд, она отвела глаза в сторону и покраснела.

— А ты и правда сын Эдвина? — Шейн разложил хлеб, сыр, фрукты и мясо, добытые в кладовой за той самой узкой дверцей, прямо на скатерти стола, не дожидаясь, пока служанка расставит блюда и тарелки.

Я кивнул.

— Странно, я думал, что Эдвин с Талой не так давно женаты, хотя... со всеми этими коэффициентами можно окончательно запутаться...

— С Талой? — я посмотрел на него с недоверием. Какая еще Тала? И как это — женаты?

Я нахмурился.

— Ну, как же, Тала — папина единоутробная сестра. — резонно возразил Шейн. — Кстати, он к тебе близко подходил? Я снова отстранился от него и посмотрел в упор... Что-то здесь...

— Да, но... он же не мог... успеть...

— Мог... — он вдруг стал мрачным, потом его черты поплыли, растянулись и растаяли...

Я мотнул головой — плечи ныли, во рту ощущался вкус крови и мочи, саднил разбитый нос, и горели щеки. А на моей спине лежали два тяжелых тела.

— Очнулся? — крепкие пальцы снова вцепились в мой подбородок. — Ну и бардак же ты учинил в Эмбере...

— Где я? — хрипло спросил я.

— Да все там же, — пальцы с презрением оттолкнули мое лицо, но я умудрился не ткнуться носом в пол.

— Как? Почему?

— Потому что Тарен — вампир. В его слюне содержится слабый галлюциноген, который не вызывает новые видения, а воздействует на память...

— Значит, я и не уходил отсюда? — я всхлипнул.

— Уходил, — человек рядом со мной рассмеялся. — Он каким-то образом умудрился перемешать твои воспоминания и подключить к ним свои. Видишь ли, иллюзии Тарена хороши тем, что они очень правдоподобны. Но любая иллюзия не совершенна. В твоих воспоминаниях о последних днях должны быть несоответствия, нарушения логики, отсутствующие фрагменты. Вспоминай!

И я начал вспоминать. Я вспомнил, как накануне утром проснулся в своей квартире, как собрался и вышел из дому, как...

На улице ко мне подошел среднего роста симпатичный парень с длинными черными волосами и бархатистыми глазами. Он представился Шоном, сказал, что у него ко мне дело, и предложил зайти в кафе, выпить кофе и обсудить все в спокойной обстановке. Я согласился. Мы вошли в кафе, сели за столик. Сначала он болтал о всякой чепухе, задавал вопросы, спрашивал, кто я и откуда, чем занимаюсь. Я отвечал спокойно, согласно своей легенде, которую придумал себе еще в школе. Сначала он просто кивал, потом стал улыбаться, а когда я сказал, что работаю в ночном клубе и вовсе рассмеялся.

— Кем, если не секрет?

— Танцовщиком, — я нахмурился.

Он продолжил смеяться:

— И все? Только танцовщиком?

— На что вы намекаете? — воскликнул я и вскочил со своего места, покраснев до самых ушей.

— Да так, просто... Что-то здесь душно. Не хотите ли прогуляться по парку?

— Нет, мне на работу пора, — буркнул я и развернулся к выходу из кафе.

— Однако я вынужден настаивать, — он подхватил меня под локоть и буквально вытолкнул на улицу.

И лишь пройдя три квартала, я понял, что он смещал нас. Я начал вырываться, но он держал намного крепче, чем можно было бы ожидать. А потом местность вокруг уже поменялась настолько, что я бы ни за что не нашел дорогу обратно, и я перестал сопротивляться. Так же под локоть он привел меня во Дворец, провел по главной лестнице на четвертый этаж, где нас уже ждали король и кронпринц. При этом Шон выглядел хмурым. Когда король взял меня под руку, он еще сказал:

— Это плохая идея, дед...

И мы с королем переместились в подземелье...

— Он укусил сначала деда, а потом тебя, — сообщил мой все еще невидимый собеседник. — Елена не активировала печать, потому что не получила приказа, и Тарен выбрался на свободу...

— А как же смог спастись ты? — я наконец-то узнал голос Шона.

— У меня иммунитет к большинству химических веществ, — улыбнулся он. — В прошлый раз ему удалось удерживать меня буквально на грани реальности достаточно долго лишь потому, что он почти не отрывался от моей шеи, а доступ к ней он получил, так как сумел застать меня врасплох. В этот раз такой возможности я ему не дал. Как только я понял, что он вырвался, я спустился в подземелье, забрал тебя и деда и принес сюда. Ну, не в этот подвал, конечно, а в этот город... Кстати, ты в курсе, что ты лунатик?

— Я?!

— Ты, — он снова рассмеялся. — Я вас принес в дом и тут же рванул в аптеку, а ты в мое отсутствие вышел на улицу, где тебя и взяли эти трое...

— Они меня били, — пожаловался я.

— И правильно делали, я бы тебя тоже хорошенько отлупил за такие фокусы.

— И что мне теперь делать? — я всхлипнул.

— Лежи здесь тихонько, дед уже должен был вернуться из своей страны грез. Он твои ссадины вмиг залечит...

Я вздохнул. И услышал удаляющиеся шаги, потом скрип двери и тишину.

Я не мог открыть глаза и оглядеться, но что-то мне подсказывало, что даже если бы мне это удалось, ничего бы не изменилось.

Потом я услышал шорох и тихое попискивание. Вот только этого не хватало...

Потом что-то холодное и щекотное ткнулось мне в щеку. Я почувствовал быстрое дыхание.

— Кыш, — шепотом произнес я.

Но к одному холодному носу присоединилось еще три.

— Кыш, ну, пожалуйста, — взмолился я по-прежнему шепотом.

Еще два холодных носа, и еще две точки горячего дыхания. У меня на лбу выступила испарина — только бы не кусали, только бы не кусали.

— Кыш, — чуть не плача, повторил я.

И тут короткие острые зубки вонзились мне в щеку.

Я вскрикнул, и с неожиданной легкостью сбросил с себя все еще прижимавшие меня к полу тела.

— Bravo, — откуда-то справа раздались хлопки.

Я инстинктивно подался влево.

— Аккуратно, мышей не дави, они ни в чем не виноваты, — слева послышался другой голос.

Я попятился к задней стене.

— Да ладно, разве мы страшные, — третий стоял как раз у меня за спиной.

— Кто вы такие? — в отчаянии закричал я.

— Страх смерти присущ только живым, — философски заметил тот, что стоял справа.

— Значит, Эдди не врал, — весело ответил тот, что был у меня за спиной.

— Но это все равно неправильно — мертвое тело должно оставаться мертвым, — возразил третий.

— Давай этику и законы мироздания оставим Иеремие, он в этом понимает куда больше нашего, — осадил его кто-то от выхода из подвала. — Нам дали задание проверить, живой он или нет. Задание мы выполнили, значит, можем возвращаться.

— Так все это... была... лишь проверка? — я шагнул вперед.

— А ты думал?

— А эти трое?

— Нет, их здесь не должно было быть, — ухмыльнулся тот, что стоял у меня за спиной, — по крайней мере, насколько нам известно.

— Что это значит? — я сделал еще шаг к двери. Не знаю, на что я рассчитывал, но другого выхода из подвала не было.

— Ну, нам не всегда сообщают все подробности. Обычно нам дают информацию только по нашей части операции, ну, или если мы должны взаимодействовать с другими...

— Понятно, — я опустил голову и сжал кулаки. Это все было подстроено. Все...

И я кинулся на того, который преграждал мне путь наружу. Последнее, что я услышал, прежде чем его кулак опустился на мою голову, было слово: «Глупец»...

Я очнулся в мягкой постели. Плечи по-прежнему ныли, нос все еще напоминал о себе жжением, и саднили щеки, но в целом было тепло и уютно. И светло.

Я открыл глаза и обвел взглядом комнату. Серые каменные стены, сводчатый потолок, старинная тяжелая люстра с наполовину оплавленными свечами. Два небольших окна распахнуты настежь, занавески ветром вытянуло наружу, и теперь они плотно обтягивают темные рамы.

Я попытался подняться, но это было нелегко.

— Лежите, лежите, — мягкие женские ручки уперлись в мои плечи, и испуганный голосок серебром зазвенел под сводами потолка.

Я покорно лег и ухмыльнулся — передо мной стояла та самая девушка-служанка, которую я видел в моих видениях.

— Что вы так на меня смотрите? — она отпустила мои плечи и отошла на шаг от кровати. И теперь я мог рассмотреть ее во всех деталях. Короткое черное платье с трудом закрывало то место, где начинались ее ножки, обутые в эти умопомрачительные туфли, на груди был вырез, такой глубокий, что мне не составило труда с одного взгляда оценить объемы ее красоты. Под тонкой простыней, служившей мне одеялом, что-то приятно сжалось и зашевелилось. Девушка покраснела и потупила глаза.

— Как... тебя зовут? — с трудом выдавливая из себя слова, спросил я.

— Дженна, — она покраснела еще сильнее.

— Подойди... ближе... — она шагнула к кровати, а мое сердце забило с утроенной силой. — Сядь... я хочу... тебя лучше рассмотреть... — она опустилась на край постели.

Я нервно провел языком по губам, затем резко схватил ее за плечи и забросил на себя. Девушка вскрикнула, но я с силой прижал ее к себе и закрыл ей рот поцелуем, одновременно поднимая юбочку ее платья и поглаживая мягкую упругую попку.

— Что вы делаете? — испуганно выдохнула она, когда я оставил в покое ее рот и спустился ниже.

— Тебе не нравится? — буркнул я ей в шею, подняв юбку уже до пояса.

— А если кто-нибудь войдет? А если Король узнает?

— Никто сюда не войдет, — я нехотя отстранился от нее. Кажется, я начинаю понимать,

почему моим клиентам так нравилось делать это грубо — чуть растрепанные волосы, испуганный взгляд, раскрасневшиеся от стыда и предвкушения щеки, налившиеся кровью губы после крепкого поцелуя. И сбившаяся одежда. Это невероятно заводит. — Король и так в курсе, иначе тебя бы здесь не было.

А вот теперь в глазах сверкнула злость. О да, мне это нравится.

— Ты — его примирительный дар, после всего, через что мне пришлось пройти с этими его тестами, — я невольно поморщился.

— Да как вы смеете! — от негодования у нее пересохло в горле. — Я честная девушка!

— Никто и не спорит, — улыбнулся я. — Тогда скажи мне, как честная девушка, нравлюсь ли я тебе.

Она судорожно глотнула ртом воздух и вспыхнула, как вечерняя заря.

— А вот я, как честный мужчина, готов признаться, что ты мне очень нравишься, — сказал я.

И после паузы добавил:

— Я бы тебя с удовольствием оттрахал во все дырки.

— Что?! — воскликнула она, и я поймал ее руку буквально в дюйме от моего лица. Вторую руку мне удалось остановить и того ближе.

Она пыталась вырваться, извиваясь всем телом, как змея, и возбуждая меня все больше. Ее лицо раскраснелось от злости и от бесплодных усилий, волосы окончательно выбились из удерживавших их раньше заколок, грудь тяжело вздымалась, стремясь вырваться из плена уже такого ненужного платья. Когда она немного поутихла, я изловчился и перевернулся на живот, придавив ее к кровати своим телом. И, не давая возможности опомниться, снова впился в ее губы поцелуем.

Поначалу она пыталась меня ударить то рукой, то ногой, но вскоре обмякла и позволила мне обнажить ее самое дорогое, высвободить свой таран и пойти на приступ крепостных ворот. И это была самая приятная атака, наверное, потому что впервые в жизни я выступал в роли атакующего. Сначала было страшновато — я же никогда этого не делал с женщиной, откуда мне знать, как двигаться, к чему стремиться и куда целовать. Но инстинкты — у меня? — оказались неплохими помощниками. Через пару секунд она уже тихо постанывала мне в рот и пыталась двигаться навстречу. Я двигался то быстрее, то медленнее, то пытаюсь проникнуть как можно глубже, то скромно топчась на входе. Прислушивался к звукам, которые она издавала, и делал выводы — вот так ей приятно, так не очень, так даже немного больно, а вот от этого она просто улетает.

Я изучал ее тело, слегка покусывая шею и грудь, поглаживая бедра и животик, а она выгибалась всем телом, рычала, стонала, билась в судорогах. Когда ее в очередной раз скрутило, я сел, поджав под себя ноги, и усадил ее сверху. О, эти затуманенные глаза, о, эти алые щечки! Я продолжал двигать бедрами, подбрасывая ее при каждом толчке — благо физическая подготовка позволяла — а она то запрокидывала голову назад, с шумом втягивая воздух, то резко опускала на мое плечо с тонким писком на выдохе. Я даже боялся, что она набьет себе шишку о мою ключицу.

Мда, ощущения от лона женщины совсем не такие, как от мужских рук — мягкие стенки нежно, но упруго обволакивают со всех сторон, в точности повторяя очертания моего органа, сдавливают его не так сильно, но доставляя просто неземное наслаждение от самого процесса движения, еще и смыкаются вслед за ним и расступаются перед ним с чарующим чавкающим звуком. И эта влага, этот жар — нет, просто ни в какое сравнение.

Я крепче сжал ее бедра руками и прильнул губами к ее груди. Дженна взвыла и откинулась назад, при этом ее аппетитные дыньки — по-другому называть их у меня язык не поворачивается — таки вывалились из выреза платья, чем я не преминул воспользоваться.

Она стонала долго и протяжно, а я двигался медленно — сидя на коленях, даже с моей подготовкой слишком ускоряться не выходит. Поэтому вскоре я сменил позу, как мне ни хотелось подольше оставаться в ней.

Она недовольно заворчала, когда я вышел и одним рывком поставил ее на колени попойкой ко мне. И вошел туда же, откуда вышел, но несколько под другим углом. Она закричала и рухнула грудью на постель, предложив мне еще больше места для маневров. Но ее колени все норовили разъехаться в разные стороны, а бедра опуститься вниз и вперед, поэтому я обхватил ее руками под животом и придерживал, наращивая темп и силу толчков. Девушка выла, уткнувшись носом в постель, а я долбил ее так, что мне казалось, еще чуть-чуть и на ее попке проступят синяки.

Наконец, мои яички подобрались, приятно сжались, по коже побежали привычные мурашки, и я взорвался.

И мы вместе растянулись на кровати.

Сколько мы так лежали, не знаю, но Дженна пришла в себя раньше. Она с трудом развернулась подо мной на бочок, высвободила руку и провела кончиком пальца по моей покрытой потом щеке.

— Спасибо, — прошептала она.

Я только кивнул, все еще не в силах говорить.

— Тест номер три пройден успешно, — за моей спиной раздались хлопки и довольный голос короля.

— Иди к дьяволу, — нехотя огрызнулся я.

— Дженна, вы свободны, можете идти, — обратился он к девушке, начисто проигнорировав мои слова.

— Останься, — шепнул я, поцеловав ее в щеку.

— Ральфи, ты ничего не путаешь? Здесь вообще-то я король, — он улыбался и, кажется, совсем не разозлился. — Ладно, отдыхайте, голубки, но завтра, Ральф, ты приступишь к своим обязанностям...

— Завтра утром я уйду, — сказал я, по-прежнему не глядя на него, — и только попробуй меня заставить выполнять твои приказы — я не для того тогда сбежал...

— Отстаиваешь свою свободу выбора? Что ж, похвально. Хорошо, ты уйдешь, но если ты мне понадобишься, я тебя и в Преисподней найду.

— Ага, — кивнул я, уронил голову на плечо Дженны и задремал под мягкие прикосновения ее пальчиков к моим волосам.

И все-таки женщины лучше